

Биографический отдел

Повесть Боборыкина «Без мужей».
Собрание романов, повестей и рас-
сказов П. Д. Боборыкина в 12 тт.
Приложение к журн. «Жива» на
1897 г. СПб. Изд. А. Ф. Марк-
са. 1897.

Т. 2-й. Стр. 3-121. В нашей
странице сплошного текста 42
строки. В строке 51 знак Пер-
вая и последняя страница
крупные. — Любопытная вещь.
Жукин переводит франц. слов и объяс-
нения таких, как макферлак.

Биографический отдел

Назировское установление

А. Еникеев

журналист

Стройный, темноволосый, в хорошо сидящем костюме, а главное — блестяще эрудированный и насквозь ироничный, он смотрелся подчеркнуто чужеродно в среде преподавателей-филологов провинциального университета. Уже будучи взрослым человеком и опытным журналистом, я узнал и понял, почему его хорошо структурированная речь не звучала в аудиториях питерской альма-матер. Оказалось, отца моего любимого преподавателя репрессировали, и он не смог поступить в Ленинградский университет. Осел в Уфе. Ромэну Гафановичу Назирову, а речь о нем, не повезло. Нам, его студентам — просто посчастливилось.

Его любили. Почему-то, как правило, институтских преподавателей не любят. Уважают, увлекаются, боятся, трепещут, но не любят как учителей школьных. Последних помнят всю жизнь, вырастая, ездят к ним в гости уже с женами и детьми, шлют открытки. Про университетских забывают, получив диплом. Так вот Назирова любили.

Его лекции разительно отличались от общего говорильно-образовательного потока, который наполнял аудитории тогдашнего филфака БГУ. Нет, на самом деле преподавание было добротным и неповерхностным, но академичным, то есть скучным. Ромэн Гафанович, читая, например, русскую литературу 19-го века, мог, отвлекшись от биографии Пушкина, рассказать, почему тот не убил Дантеса на дуэли, хотя и попал в него. До сих пор помню его голос, спокойный и уверенный.

— Пушкин был изрядным стрелком. Он имел 29 дуэлей. 24 из них не состоялись по примирению, в 4-х поэт намеренно промахнулся, чтобы не брать на душу смерть противников. И только в последней, смертельной для него, попал. В грудь Дантеса. Того якобы спасла пуговица. Чушь! 12-граммовая пуля с 7 метров?! На подонке была кольчуга!

После лекции студенты столпились вокруг Назирова, и он еще полчаса рассказывал, как Пушкина спровоцировали на дуэль всем петербургским обществом, что это была не дуэль, а убийство, чтобы прикрыть возможную связь Гончаровой с императором. Словом, о том, чему он не мог посвятить всю лекцию. Не принято было тогда говорить о таких вещах с университетской кафедры. Я не мог спать несколько дней. Полжизни быть уверенным, что великий поэт погиб нормальной дворянской смертью, и вдруг узнать, что его тупо уби-

ли! В тогдашней литературной публицистике прочитать такое было невозможно. Назиров бежал скучных наставлений «как в учебнике», он учил нас анализировать. И много читать.

Экзамен по предмету я Ромэну Гафановичу едва не завалил. Честно признался, что из ранних повестей Тургенева читал только «Асю». Он вскинул брови. «Вы же поэт! А эти вещи у Тургенева чистой воды поэзия! Вот что с вами делать? «Записки охотника»-то хоть читали?» Все остальное я, к своему счастью, прочел и был отпущен с четверкой. До сих пор немного совестно за нее.

Впрочем, этот эпизод никак не повлиял на мои отношения с кумиром. Как организатор университетской многотиражки и отдавший дань журналистике работой в республиканской молодежи «Ленинец», Ромэн Гафанович серьезно повлиял на выбор моей будущей профессии. Его разборы моих газетных опусов, и не только моих, учили писать просто, без канцеляризма и «политизмов», размещая по порядку-сначала факт, а потом комментарий к нему. «Вы не телеграф, а человек, — говорил он. — Ваше личное отношение к описываемому обязательно!» Сколько шишек я потом нахватал за всю свою журналистскую биографию из-за этой приверженности к Назировскому установлению! Но благодарен ему безмерно за то, что творчески жив. Нынешняя публицистика умерла, похороненная под холмом телеграфно-бестелесного письма, за которым не стоят живые чувства. А читают лишь тех немногих, у кого были в свое время такие учителя, как Ромэн Гафанович Назиров.

И еще чуть позже он открылся для меня как ученый. Один из моих любимых журналов «Вопросы литературы» (шутя их называли «Вопли») изредка публиковал его работы. Очень люблю его статью «Петр Верховенский как эстет». Читал бы и больше, но университетские сборники страны, по которым мелким крошечкам были разбросаны работы Назирова, были недоступны по причине их минитиражности. Теперь, что удастся, читаю в интернете и понимаю, что Ромэн Гафанович — один из виднейших литературных критиков своего времени. Да и нашего тоже.

